

О РЯЗАНСКИХ РЕАЛИЯХ В «ХОЖЕНИИ ИГНАТИЯ СМОЛЬНЯНИНА»

Анализируется одно из этапных произведений путевой литературы Древней Руси «Хождение Игнатия Смольнянина» с точки зрения проявления в нем рязанских реалий, исторических и географических. Их исследование подтверждает наблюдения над литературной спецификой текста, который свидетельствует о развитии светского и повествовательного начала в жанре древнерусского хождения XIV века.

литература Древней Руси, древнерусский жанр, литература путешествий Древней Руси, хождение, Игнатий Смольнянин.

«Хождение Игнатия Смольнянина в Царьград», созданное в 90-е годы XIV века, вошло в историю путевой литературы Древней Руси как одно из этапных произведений. С него берут начало светские путевые записки, которые, по наблюдениям Н.И. Прокофьева, окончательно укрепятся в литературе путешествий в середине XV века и достигнут своего наивысшего развития в «Хождении за три моря Афанасия Никитина»¹. Правдивый рассказ о дорожных приключениях и событиях, произошедших во время путешествия и явно привлекших к себе внимание значимостью или неординарностью, в данном повествовании выходят на первый план. Для автора-паломника они не менее интересны, чем все остальное, включая поклонение святым местам Восточного Средиземноморья и их описание. Благодаря таким текстам древнерусские хождения традиционно относят к эпическим произведениям средневековья, авторы которых стремились к точному и правдивому описанию реальных событий, участниками или свидетелями которых они были.

Хождения представляют интерес тем, что содержат сведения о географических и исторических реалиях не только отдаленных земель, но и Руси, позволяют пролить свет на скрытые факты отечественной истории. Сочинение Игнатия Смольнянина служит в этом плане ценным источником конца XIV – начала XV века. И действительно, исследователи не раз подмечали наблюдательность и осведомленность дьякона из Смоленска, который рассказал о «распре некой» между митрополитом Пименом и князем Дмитрием Ивановичем Донским, о возникших проблемах Московской митрополии и непростых отношениях московских князей с удельными (в частности, рязанскими), о политической жизни Византийской империи: борьбе за престол между Мануилом

¹ Прокофьев Н.И. Хождение Игнатия Смольнянина // Литература Древней Руси. М., 1975. С. 123–149.

и Калояном (Иоанном) Палеологами, венчании на царство Мануила II Палеолога и т.п. Можно предположить, интерес обоснован тем, что простым паломником Игнатий не был, как и то посольство в 1389–1393 годах в Константинополь, участником которого он стал.

Смольнянин входил в круг лиц, сопровождавших Московского митрополита Пимена в его поездке с целью сохранения за ним престола. Пимен, будучи Переяславским архимандритом, вступил в борьбу за должность митрополита, когда ставленник князя Дмитрия Ивановича, духовник и печатник Митяй-Михаил, скоростижно скончался в пути, направляясь на посвящение в Константинополь. Утвердившийся в июне 1380 года на митрополичьем престоле путем обмана и подкупа, Пимен не был признан Дмитрием Ивановичем, который в перипетиях противостояния в 1381 году пошел навстречу болгарину Киприану. Последний ранее им же был отвергнут и сослан за рубеж, несмотря на то, что еще в 1376 году константинопольский патриарх поставил его митрополитом Киевским и Литовским с правом наследования митрополии «всей Руси». Конфликтная ситуация Дмитрия и Пимена так и не разрешилась, хотя Пимен пребывал в столь важной должности в Москве с 1382 по 1389 год, а в 1389 году вновь отправился за поддержкой к иерархам церкви на православный Восток. Во время этой поездки, описанной отцом Игнатием, русский митрополит скончался в Халкидоне (окрестности Константинополя) 11 сентября того же года. Предположительно, Смольнянин, оставшийся в Византии, вел путевые записки по указанию смоленского епископа Михаила, выполнявшего, в свою очередь, наказ Пимена ². Стоит заметить, данная история опосредованно отразилась и в тексте «Хожения», в частности, четко прочитывается указание на заказанное описание митрополичьего паломничества: «И сице сотворися шествие, и повеле митрополит Пимен Михаилу владыце Смоленскому, да Сергию архимандриту Спаскому, и всякожде, аще кто хочет, писати сего пути шествование все, како поидоша, и где что случися, или хто возвратится, или не возвратится вспять; мы же сиа вся писахом» ³.

Путевой дневник цареградского посольства дошел до нашего времени не менее чем в 24 списках XVI–XVIII веков, передающих две редакции текста: раннюю, краткую, в составе сборников и полную, летописную, более известную под названием «Пименово хождение в Царьград» ⁴. Последняя сохранилась в трех вариантах, один из которых вошел в Никоновскую летопись. До сих пор остается дискуссионным вопрос, какая из редакций ближе к изначальному, авторскому, тексту дневника Игнатия. Больше уверенности в отношении краткой, тогда как полная, скорее всего, сложилась в результате правки и расширения текста краткой редакции в процессе его включения

² Белоброва О.А. Игнатий (Смольнянин) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып 2 : Вторая половина XIV – XVI в. Л., 1988. Ч. 1. С. 395.

³ Книга хожений. Записки русских путешественников XI–XV вв. М., 1984. С. 108. Далее текст цитируется по данному изданию с указанием страниц.

⁴ Белоброва О.А. Игнатий (Смольнянин). С. 395.

в летописные своды. Вместе с тем достаточно уверенно звучит точка зрения Н.И. Прокофьева, согласно которой обе редакции, отличающиеся и содержательно, и стилистически, скорее всего, принадлежат перу самого Смольнянина, хотя более пространная несет на себе и следы работы летописца⁵.

Независимо от решения данной текстологической проблемы филологи, историки, этнографы, географы и специалисты в других областях неизменно воспринимают «Хождение Игнатия Смольнянина» в качестве источника по отечественной истории и исторической географии. Точность и детальность повествования сочинения Смольнянина позволяют обращаться к его сведениям по истории средневековых торговых связей Северо-Восточной Руси с Причерноморьем и Византией, ряд деталей воссоздают картину состояния юго-восточных земель Руси в конце XIV века, прежде всего Рязанского княжества.

В «Хождении» подробно, с постоянной фиксацией датировки продвижения по избранному маршруту описан путь от Москвы до Константинополя, которым посольство митрополита Пимена добралось через Переяславль-Рязанский к верховьям Дона, а далее водным путем по Дону, Азовскому и Черному морям до столицы Византии. Выбор его неслучаен, поскольку именно донской водный путь с XIII века напрямую связывал русские земли с берегами Черного моря, Русь и Византийскую империю, Русь и азиатский Восток. Огромное значение он имел для развития Рязанской земли. На протяжении многих столетий Ока оставалась главной водной магистралью, соединявшей Восток и Европу. На существование перехода с Оки на Дон в районе Переяславля-Рязанского указывает ряд источников, что, возможно, объясняет и сам факт рождения древнего Переяславля. А в XIV веке Переяславль-Рязанский славился как развитый и вполне успешный ремесленный и коммерческий центр, который вел торговлю по разным направлениям, в том числе и транзитную, о чем свидетельствуют московско-рязанские договоры.

⁵ Прокофьев Н.И. Комментарии // Книга хождений. Записки русских путешественников XI–XV вв. М., 1984. С. 403 ; Прокофьев Н.И. Хождение Игнатия Смольнянина. Археографическое вступление и текст // Литература Древней Руси. Вып. 2. М., 1978. С. 136–145.

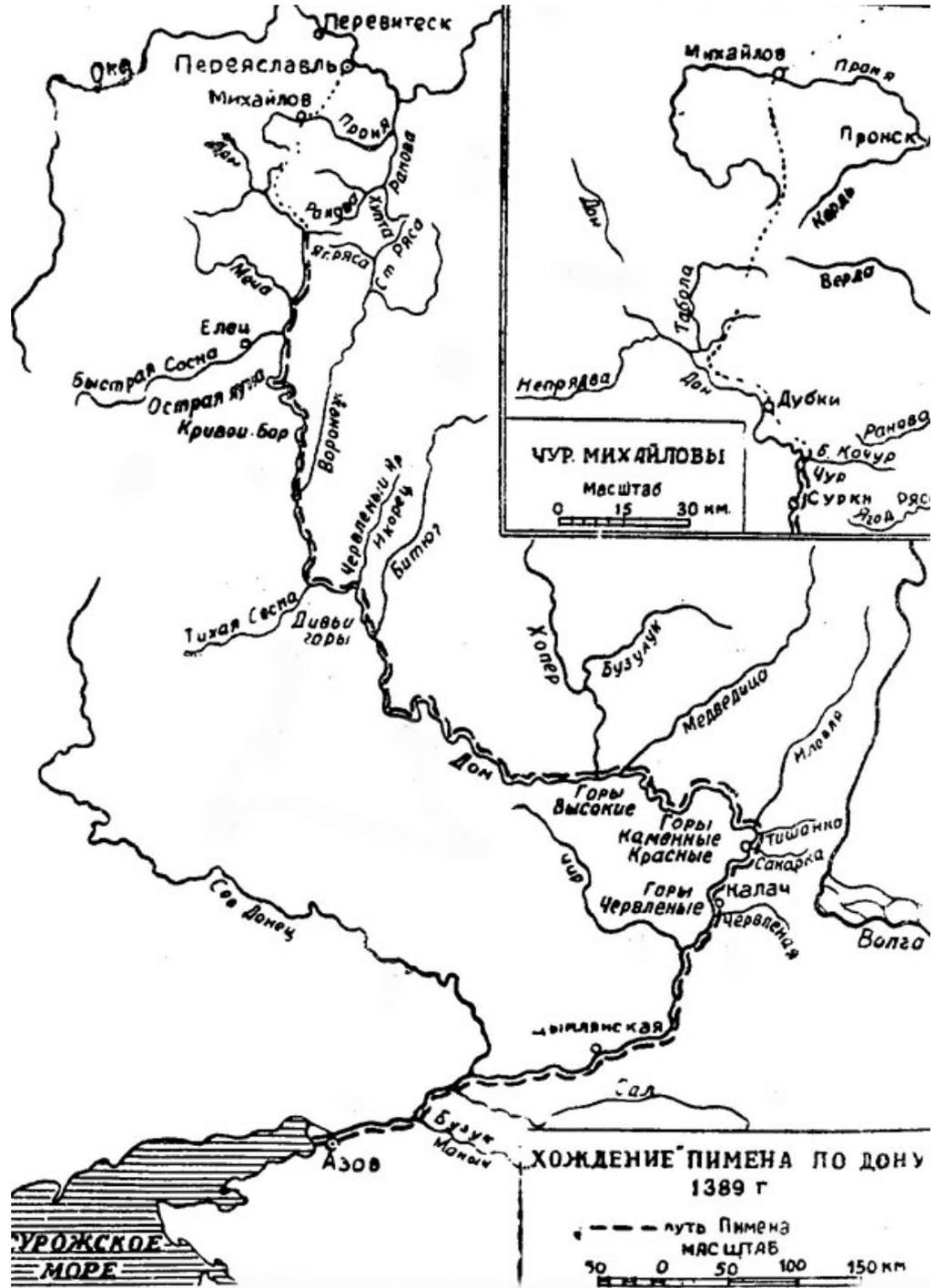

Рис. Хождение Пимена по Дону

По сути, текст содержит первое русское описание путешествия по Дону. Столь знакомый современникам Игнатия путь разделялся в пределах Рязанского княжества на два основных маршрута: восточный – по реке Воронеж через Коломну – Переяславль-Рязанский – Старую Рязань – Ряжск; и западный – «посу-ху». Именно первый путь описан в «Хожении» Смольнянина, когда речь идет о посольстве Пимена, вышедшем из Москвы 13 апреля 1389 года и добравшемся до Коломны. От Коломны митрополит «поидохом» по реке, путь по которой раздваивался: с одной стороны, можно было спуститься по Оке к Рязани (Переяславлю-Рязанскому, который в середине XIV века стал столицей Рязанского княжества после старого стольного града Рязани, к тому времени пришедшего в полный упадок) и Мурому, с другой – подняться к ее верховьям.

От Рязани до верховьев Дона путешественники шли сухим путем, везя на колесах три судна («три струги да насад на колесах»), затем «спустихом суды на реку на Дон» [С. 99]. Вниз по Дону добрались до Чур-Михайлова, откуда далее поплыли 2 мая 1389 года; 9–15 мая миновали Червлёный Яр, Битюг и Хопер; в воскресенье 16 мая – реки Медведица и Белый Яр, Горы Высокие; в понедельник – Горы Каменные. Во вторник прошли Терклию («град Серклию»), где «обретохом первые татар много зело», в среду – Великую Луку и «Сарыхочзин влус»; в пятницу 21 мая – Червлёные горы; в понедельник к шестой неделе одолели Бузун-реку, и через день, в среду, в канун Вознесенья, «приспехом плывущее до моря», «града Азова», куда путешественники прибыли в среду 26 мая 1389 года. Таким образом, все путешествие от Москвы до устья Дона продолжалось примерно 40 дней, а до столицы Византии – 2,5 месяца.

Один из эпизодов, в котором автор «Хожения» повествует о пребывании посольства Пимена в пределах Рязанской земли, опосредованно касается отношений Рязани и Москвы. Их сложность не помешала продвижению путников, а в какой-то степени даже поспособствовала продолжению. Митрополит Пимен прибыл в Переяславль-Рязанский по Оке водным путем, его встретили у города «сынове великого князя Олега Ивановича Рязанского», вскоре, «мало от своего места прешедшим, и срете нас с великою любовию сам князь великий Олег Иванович, и з детьми своими, и з бояры» [С. 108]. Князь и его окружение вместе со странниками посетили церковь, после чего был дан пир в честь митрополита у Олега Ивановича, о чем сообщают с разной степенью подробности обе редакции: «...и срете ны с любовию князь великий Олег Иванович, и прият с радостию и угости добре...» [С. 99]; «И пришедшим нам ко граду Переславлю, и сретоша нас со кресты, пришед же митрополит в соборную церковь и молебнаа совръшив, и пирова у великого князя, и честь многу приат...» [С. 109]. Олег достойно принял Пимена, невзирая на конфликт митрополита с московским князем Дмитрием Ивановичем, с которым сам не так давно был в сложных взаимоотношениях.

В конце XIV века подходили к завершению рязанско-московские конфликты: непрекращающиеся споры, в основу которых легли серьезные разногласия по поводу пограничных земель, непростые личные отношения рязанских князей с московскими и с другими удельными князьями, находившимися под

влиянием Москвы (например, с пронскими), противоречивая позиция Олега Ивановича Рязанского во время Куликовской битвы, его сделки с Ордой и попытки любым способом защитить свое княжество от ордынских набегов и, как следствие, вражда с князем Дмитрием Ивановичем, невыгодные для Рязани договоры, перемирие в 1385/86 году и, наконец, брак сына Олега Рязанского Федора с Софьей Дмитриевной, дочерью Дмитрия Донского. И хотя с конца 1380-х годов в летописях более не содержатся записи о сложных отношениях между Рязанским и Московским княжествами, известно, что к началу XV века Рязань, так до конца и не утратившая самостоятельности, вопреки собственным устремлениям, все более попадала в зависимость от Москвы, уверенно набиравшей силу и проводившей политику подчинения себе других земель.

Князь Олег, сыгравший неоднозначную роль в развитии событий Куликовской битвы, названный в летописях коварным изменником и неразумным предателем, «велеречивым», «худым отступником», «поборником бессермянским, лукавым сыном», сравнимым с Иудой и Святополком Окаянным, в кратком описании «Хожения Игнатия Смольнянина» обрел иной литературный облик, отличающийся от общепринятого и противоречащий традиции московских и промосковских летописных записей. Выразительный фрагмент «Хожения» показывает Олега Ивановича гостеприимным и радушным хозяином своего княжества. Окруженный детьми и многочисленной дружиной он радушно угощает странников, заботится об их удобствах и безопасности на всем пути по своим владениям: «Таже исходящим нам оттуда, проводи нас сам князь великий Олег Иванович Рязанский з детми своими и з бояры, съ многуо честию и съ любовию. Таже, целовавшеся, разлучихомся; онъ возвратися ко граду, мы же поидохом напредь; и отпусти съ нами боярина своего Станислава з доволною дружиною, повеле нас проводитьи до реки до Дону съ великим опасением, разбоя деяя» [С. 109]. А.Г. Кузьмин объяснял подобную интерпретацию образа следующим фактом: правителем Смоленска, откуда был родом автор «Хожения» Игнатий, в те годы был зять Олега Ивановича Юрий, и «независимость Смоленска от Литвы поддерживалась главным образом благодаря военной силе рязанского князя»⁶. При этом фигура Дмитрия Ивановича отходила на второй план, несмотря на властную позицию московского правителя, во всем проводившего целенаправленную и жесткую политику укрепления Московского княжества, предусматривающую подчинение ему прочих русских княжеств.

Данный отрывок примечателен еще и тем, что Игнатий упоминает о «соборной церкви» – Успенском соборе, что может служить дополнительным подтверждением предположений исследователей, согласно которым древнейший в Переяславле-Рязанском собор был выстроен до 1389 года при Олеге Ивановиче в связи с переносом столицы княжества⁷. Сын Олега Ивановича князь Федор Ольгович, скончавшийся в 1427 году, был одним из первых членов княжеской семьи, захороненных в Переяславском Успенском соборе. Впоследствии камен-

⁶ Кузьмин А.Г. Рязанское летописание. М., 1965. С. 236.

⁷ Каменный рязанский Успенский собор, по другим данным, был выстроен во время учреждения в Рязани епископской кафедры – между 1187 и 1207 годами.

ные гробницы рязанских князей и княгинь XV–XVI веков находились в Успенском (ныне Христорождественском) соборе вплоть до XVIII века ⁸.

Фрагмент о встрече Пимена в «Хождении» также содержит упоминания людей, входивших в близкое окружение князя Олега Ивановича, в частности епископа Рязанского. Причем имя последнего в разных редакциях отличается. В одном случае это епископ Феогност: «...и угости добре съ своим епископом Феогностом» [С. 99]. В другом, более пространным варианте, – Иеремия («Еремей Грек»): «...ту срете нас Еремей епископ Рязаньский Гречин» [С. 108]. По историческим данным, в Рязанском княжестве в этот период епископом был Феогност, посвященный в 1387 году ⁹. Путаница связана с более поздними переработками текста (Иеремия впервые упоминается в летописях под 1390 годом, поставлен он был на Рязанскую епархию после Феогноста, когда прибыл из Константинополя в Москву ¹⁰). Та же причина может объяснить различия по редакциям в перечнях духовных лиц, проводивших посольство далее по маршруту: «Проводиша ж нас и епископи, Данил Смоленский и Сава Сарский» [С. 99], «Проводиша же нас тогда епископи мнози: Феодор Ростовский, Ефросин Суждальский, Еремей Гречин, епископ Рязаньский, Исакий епископ Черниговский, Данило епископ Звенигородцкий, и архимандрити, и игумени, и иноци» [С. 109].

Последний фрагмент, несомненно, входит в летописный вариант хождения, на что указывает более пространственный характер отрывка, к тому же дополненный и последующими объяснениями автора – сопровождение посольства продолжалось до Чур-Михайлова: «...и ту утешение взявше и о господе целование сотворше и съ радостию и со умилением проводиша нас епископи, и архимандрити, и игумени, и священници, и иноци, и бояре великого князя Олга Ивановича Рязаньскаго, целовавшесе вси целованием святым, и от того места возвратишася въсвояси» [С. 109]. Многочисленные попутчики, в число которых по настоянию Олега Ивановича вошел и княжеский боярин Станислав «з довольною дружиною», оказались в дальнейшем пути не лишними. И хотя сам Переяславль был укреплен основательно, что по достоинству оценили и во времена междоусобиц и нападений извне, путь от Оки до Дона, которым шли странники, был опасен из-за монголо-татар, которые также встречались в этих землях, и разбойников – беглых людей, промышлявших грабежом. Этот факт и вызвал княжескую заботу о посольстве Пимена – князь Олег дал распоряжение дружине проводить путников до конца своих владений: «повеле нас проводить до реки до Дону съ великим опасением, разбоя для» [С. 109].

⁸ Известно, что ныне существующий в пределах современного Рязанского кремля Успенский собор был построен в конце XVII века зодчим Я.Г. Бухвостовым. Исследователи памятников Рязани говорят, что в связи с постройкой этого собора ранее существовавший каменный собор был переименован в Христорождественский. Последний неоднократно перестраивался и потому дошел до нас, имея внешнее обличие здания XIX века.

⁹ Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 11. С. 93 ; «И были полки Ольговы...». Свод летописных известий о Рязанском крае и сопредельных землях до 50-х годов XVI в. / сост. А.И. Цепков. М. : Прогресс-Культура, 1994. С. 471.

¹⁰ Там же.

И действительно, частые набеги ордынцев заставляли русских князей нередко прибегать к содержанию в степях караулов, которые могли бы выполнять функции сопровождения или извещения об опасности. Вначале это были не более чем скрытые скопления разъезжих сторожей и станичников, имевших обязанности наблюдать за движением татар. Но уже «с середины XIV века рязанские сторожевые посты и караулы состояли из казаков и размещались по достаточно обширному пространству – до рек Хопер, Воронеж, Ворона, Савала»¹¹. Одно из первых упоминаний об этом, в частности, прочитывается в Никоновском своде в летописной статье под 1444 годом, повествующей о нападении крымского царевича Мустафы на Рязанское княжество и последовавшей битве на реке Листань. В XIII–XV веках на юго-востоке Рязанского княжества использовалась целая система оповещения в случае нападения внешнего врага и имелись укрепления с дружинами, которые контролировали состояние данной территории¹². А в XV веке рязанские казаки чувствовали себя в верховьях Дона, в степях Червленого Яра полноправными хозяевами.

Археологические исследования свидетельствуют, что Рязанское княжество в XIII–XIV веках обладало водоразделом между бассейнами Оки и верхнего Дона, а в XII–XIII веках земли по Красивой Мече, Сосне и верхнему Дону, входившие в его состав, были плотно заселены. Как известно, месторасположение русских поселений простиралось к югу, в сторону реки Воронеж, и жизнь здесь не прерывалась даже во время монголо-татарского нашествия¹³. Однако «Хождение Игнатия Смольнянина», по предположению большинства исследователей, зафиксировало крайнее запустение и безлюдность тех мест как последствия ордынских набегов на Дон: «Бяше бо пустыня зело не бе бо видети ни села, ни человека, токмо звери, лоси же и медведи и прочая зверя» [С. 100]. Особо выразительно и исторически достоверно этот фрагмент выглядит в пространной редакции: «Бысть же сие путное шествие печально и уныливо, бяше бо пустыня зело всюду, не бе бо видети тамо ничтоже: ни града, ни села; аще бо и быша древле грады красны и нарочиты зело видением места, точью пусто же все и не населено; нигде бо видети человека, точию пустыни велиа и зверей множество: козы, лоси, волцы, лисицы, выдры, медведи, бобры, птицы орлы, гуси, лебеди, жарави и прочая; и бяше все пустыни великиа» [С. 109].

Подобные пейзажные зарисовки, причем в обоих вариантах, прекрасно показывают, как при сохранении реалистичности в отражении природы намечается иной подход к описанию, в частности, воздействие природы на человека¹⁴. Так, в данном фрагменте четко передается ощущение от природы – печаль и тоска от пустынности и обезлюденности того места, где отсутствует человек, его унылая безжизненность никак не оживляет даже перечень представителей животного мира. А.Н. Ужанков обозначил этот текст как «один из примеров серьезной по-

¹¹ Рязанская энциклопедия / гл. ред. В.Н. Федоткин. Рязань, 2000. Т. 1. С. 458.

¹² Там же.

¹³ Монгайт А.Л. Рязанская земля. М., 1961. 400 с.

¹⁴ Ужанков А.Н. Эволюция пейзажа в русской литературе XI – первой трети XVIII в. // Древнерусская литература. Изображение природы и человека. М., 1995. С. 38.

пытки психологизировать пейзаж», что свойственно литературе именно XIV века, «при развитии рационализма, утилитарного отношения к природе, т.е. уже на стадии религиозно-прагматического мировоззрения, когда природа воспринималась как Богом данная в услужение человеку реальность»¹⁵.

Д.И. Иловайский упоминал, что до второй половины XIV века в самом Рязанском княжестве не появлялись новые города и поселения, в конце XIV столетия берега верхнего Дона отличались запущенностью и обилием развалин, и объяснял это тем, что с 1388 по 1402 год – начала запустения южных земель княжества, зафиксировано семь нападений татар на Рязанское княжество, не считая походов Мамай и Тохтамыш, из них пять – безнаказанных¹⁶. Такое положение дел сохранилось, видимо, в XV и в первой половине XVI века¹⁷. Вместе с тем можно встретить весьма скептический взгляд на столь категоричную трактовку описаний из «Хожения» Смольнянина. Кажущееся правдоподобие этих сведений паломника, скорее, следствие поздней переработки текста книжниками. К тому же упомянутая в краткой редакции «пустыня» Верхнего Подонья (без обилия деталей, усиливающих драматический эффект, характерный для звучания пространной редакции) может означать именно пустынную и незаселенность местности, а не ее «запустение» как результат разорения некогда обильных земель¹⁸.

Однако не стоит забывать, что, судя по тексту «Хожения», князь Олег Рязанский, немало заботясь о сохранности путников, дал им в поддержку вооруженное сопровождение. И, видимо, неслучайно Юрий Елецкий, глава соседнего княжества, вместе со своей дружиной встретил посольство Пимена в устье Воронежа: «На утрия же, в неделю на святого Николы память приеде к нам князь Юрьи Елецкий с бояры и со многими людми и створи радость велию» [С. 100]. Елецкое княжество граничило с Рязанским на юго-западе и располагалось в бассейне реки Быстрая Сосна, протянувшись от Ельца к верховьям Оки по Красивой Мече и приблизительно до устья реки Воронеж вниз по Дону, где и проходил рубеж между двумя княжествами¹⁹. Таким образом, цареградскому посольству удалось не только встретиться с мирской и церковной властью Рязани, но и пройти через Елецкое княжество. Эта часть памятника, однако, современными исследователями оценивается далеко не однозначно.

В пространной редакции «Хожения», которая вошла в Никоновскую летопись, князь Юрий представлен вассалом рязанского князя, который направил вестника в Елец с наказом встретить гостей: «приеде к нам князь Юрьи Елецкий з бояры своими и со многими людми; посла бо к нему вестника князь великий Олег Иванович Рязанский; он же створи повеленное и воздаде нам честь, и радость, и утешение велие» [С. 110]. Это, по мнению А.Г. Кузьмина, относится

¹⁵ Ужанков А.Н. Эволюция пейзажа в русской литературе XI – первой трети XVIII в. С. 39.

¹⁶ Там же. С. 183.

¹⁷ Иловайский Д.И. История Рязанского княжества. М., 1884. С. 198.

¹⁸ Шенников А.А. Червлёный Яр. URL : <http://www.zimovaya.ru/novosti/na-nashem-sayte-gazmeschena-kniga-voronezhskogo-arheologa-a-shennikova-chervlyonyu-yar.html>.

¹⁹ Тропинин Н.А. Елецкая земля в XII–XVI веках // История и культура Ельца и Елецкого уезда. Елец, 1992.

к числу прорязанских фальсификаций Никоновского свода²⁰. Действительно, представление о Ельце как части Рязанской земли проникло в русские летописи. Так, в «Повести о Владимирской иконе Богородицы», вошедшей в большинство летописных источников XV–XVI веков, речь идет о Темир-Аксаке, который «приде близь предел Рязаньския земли и взя град Елечь»²¹ (в Никоновской летописи указано: «прииде в землю Рязанскую и взя Елецъ-град»²²). Современные исследователи уверенно констатируют, что в конце XIV века Рязань относилась к числу наиболее сильных и авторитетных княжеств, непосредственно влиявших на процесс объединения русских земель, и в его зависимости находились и Муром, и Елец²³.

В то же время данный фрагмент пространной редакции «Хождения» можно интерпретировать и иначе: предположить независимость Елецкого княжества от Рязани и относительную по тем временам самостоятельность его князей. «Повеленное» князем Олегом может объясняться его авторитетом, а также едиными политическими целями двух княжеств, которые находились в постоянной опасности из-за соседства с татарами. Оба предположения, однако, не являются взаимоисключающими. Согласно источникам, Елецкое княжество, известное со второй половины XII века, просуществовало до второй половины XV века. После ряда крупных ордынских вторжений в пределы елецких земель²⁴ оно было включено в состав Московской Руси. Впервые упоминается в летописи под 1146/1147 (6655) годом²⁵; первоначально оно существовало как удел Рязанского княжества, но в конце XII столетия выделилось в самостоятельное княжество, по-прежнему находясь в вассальной зависимости от рязанских князей²⁶.

Неслучайно в Разрядной книге под 1583 годом отмечалось, что «преж того елецкие князи служили великим князям Резанским и бывали с прадедом его и с дедом и с иными резанскими бояры»²⁷. Действительно, по одной версии, впервые появившейся у В.Н. Татищева, а затем поддержанной Т. Мальгиным, Н. Ридингером, А. Щекотовым,²⁸ во времена Киевской Руси Елецкое княжество имело князей из числа рязанских Рюриковичей, чему служат, к примеру, указания летописные 1143/1144 (6652) года на елецкого князя Владимира Ярославича (сына Ярослава Святославича, князя Муромо-Рязанского (ум. 1129)) и 1146/1147 (6655) года на принимавшего активное участие в муромо-рязанских делах Андрея Ростиславича,

²⁰ Кузьмин А.Г. Рязанское летописание. М., 1965. С. 235.

²¹ Полное собрание русских летописей. Т. 5. СПб., 1851. С. 248 ; Т. 20. Ч. 1. СПб., 1910. С. 214 ; Т. 25. М. ; Л., 1949. С. 222 ; Т. 26. М. ; Л., 1959. С. 283.

²² Там же. Т. 9. М. ; Л., 1965. С. 159.

²³ «И были полки Ольговы...». Свод летописных известий о Рязанском крае и сопредельных землях до 50-х годов XVI в. М., 1994. С. 432.

²⁴ Рязанская энциклопедия. Т. 1. С. 321.

²⁵ Полное собрание русских летописей. Т. 9. С. 173.

²⁶ Рязанская энциклопедия. Т. 2. С. 321.

²⁷ Там же.

²⁸ Мальгин Т. Зерцало Российского государства. СПб., 1791. С. 169, 178, 185, 192, 197, 202 ; Ридингер Н. Материалы для истории и статистики г. Ельца. Орел, 1865. С. 5–10 ; Татищев В.Н. История Российская. Л., 1962–1968. Т. 1. С. 356 ; Т. 2. С. 142, 173, 287 ; Т. 3. С. 58 ; Т. 4. С. 208 ; Щекотов А. Словарь географический Российского государства. М., 1804. Т. 2. С. 388.

сына Ростислава Ярославича, княжившего в Рязани в 40–50-е годы XII века ²⁹. А.Н. Насонов данные упоминания счел прорязанскими фальсификациями, цель которых – показать, что Елец был подчинен Рязанскому княжеству ³⁰.

Согласно другой версии, род елецких князей сложился не ранее чем в XIV веке и происходил от черниговских Рюриковичей ³¹: по разным родословным он выводится или от Ивана Титыча Козельского, зятя Олега Рязанского, или от другого сына Тита (Карачевского) – Андреяна (Звенигородского) ³². В любом случае взаимоотношения Рязани и Ельца не определялись лишь географическим положением княжеств-соседей. В то же время имя упомянутого в «Хожении» Юрия Елецкого вызывает вопросы. Непонятно, почему в известных родословных оно не упоминается. Прежде всего, известен елецкий князь Федор, сын князя Ивана Титыча Козельского, который в 1380 году участвовал в Куликовской битве. В «Сказании о Мамаевом побоище» «князь Феодоръ Елетьцский» назван в числе воевод князя Владимира Андреевича, о нем же сообщается, что 1395 году при взятии Ельца ханом Тимуром он попал в плен ³³.

«Хожение» любопытно не только историческими ссылками и комментариями, но и рядом топонимических упоминаний. Неслучайно путевая литература прекрасно представляла не только время, но и пространство. Одни географические объекты, так или иначе имеющие отношение к Рязани, упомянутые в «Хожении Игнатия Смольнянина», встречаются в других источниках, история других остается до конца невыясненной.

Путь посольства пролегал через Червлёный Яр. Исследователи разных научных специализаций до настоящего времени ведут дискуссии по поводу использования данного топонима: что он означал, каким образом сложился исторически и т.д. В «Хожении Игнатия Смольнянина» сохранились указания, которые впоследствии найдут отражение в спорах и обсуждениях подобного рода.

В пространной редакции Червлёный Яр стоит в одном ряду с реками Битюг («Бетюк»), Хопер («Похор»): «И минухом Черлёный Яр, и Бетюк, и Похор» и «таже минухом и Черлёный Яр реку, и Бетюк реку, и Похор реку» [С. 110]. Поскольку загадочной «реки Черлёный Яр» отыскать не удалось, появились, с одной стороны, отождествления ее с речкой Икорец, впадающей в Дон между Воронежем и Битюгом, ориентировочно в месте, указанном в «Хожении» ³⁴,

²⁹ Татищев В.Н. История Российская. М.; Л., 1963. Т. 2. С. 160, 173.

³⁰ Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 65, 208, 209–210, 213, 215.

³¹ Кузьмин А.Г. Рязанское летописание. М., 1965. С. 216.

³² Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику. СПб., 1892. С. 147–148, 302.

³³ Дмитриев Л.А. Историко-литературный комментарий / Л.А. Дмитриев, О.П. Лихачева // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 400.

³⁴ Второв Н.Н. Исторический очерк постепенного заселения Воронежского края // Русский художественный листок. 1860. № 34. С. 132; Кудряшов К.В. Половецкая степь: очерки исторической географии // Записки Всесоюзного географического общества. Новая серия. М., 1948. Т. 2. С. 22, 38–39.

с другой – сомнения в том, существовала ли вообще река с таким названием³⁵. Утвердилось мнение, что приписка слова «река» проникла в летописное «Пименово хождение в Царьград», через книжника XVI века, готовившего материал для Никоновского свода и незнакомого с географией Среднего Подонья. Д.И. Иловайский писал, что название Червленьый Яр относится к хоперско-донскому междуречью, а в «Хождении Пименовом» речь идет, скорее, о западных окраинах одного и того же места, в пределах которого и располагалась «река Червленьый Яр»³⁶.

В краткой редакции, которая в настоящее время считается ранней и лишенной вторичных текстовых наслоений летописного варианта, также указывается «Червленьый Яр», но без комментария «река» («И минухом Червленьый Яр и Бетюк и Похор» [С. 100]), а после этого перечисляются местности ниже устья Хопра. Это согласуется с убеждением ряда исследователей в том, что в XIV веке вся часть степей ниже устья реки Воронеж до бассейна Хопра, Вороны (Большой, Великой) известна под общим названием – Червленьый Яр. В основе топонима – цветовое определение: «червленьый» в значении «темно-красный», «багряный», «яр» – заимствование из тюркских языков в значении «обрыв, высокий крутой берег, подмываемый рекой»³⁷. Стоит упомянуть и о том, что ни одна редакция «Хождения» не дает ответа на вопрос о том, насколько тесно Червленьый Яр был связан с Рязанью, был ли он частью этого княжества, или находился в вассальной зависимости от него, или был независим.

Впервые эта земля упоминается в Никоновской летописи, в рассказе под 1148 годом об очередной княжеской междоусобице: «Князь же Глеб Юрьевич иде к Рязани и быв во градах Черленаго Яру и на Велицей Вороне и паки возвратися к Черниговским князем на помощь»³⁸. Именно это летописное сообщение, впоследствии многократно встречающееся в памятниках русского средневековья, во многом послужило поводом к утверждениям историков, что эта обширная пограничная зона, локализованная на левой стороне Дона, изначально входила в состав Рязанского великого княжества³⁹.

Согласно другой точке зрения, первые достоверные упоминания о Червленьом Яре могут быть отнесены лишь к XIV веку⁴⁰. Что касается сведений, вошедших в Никоновский свод, составленный в 1520-х годах, то неслучайно к его созданию непосредственное отношение имел митрополит Даниил, рязанец по происхождению. А.Н. Насонов заметил, что в более ранних летописях – Лаврентьевской, Ипатьевской – при описании тех же событий отсутствуют упоминания

³⁵ Введенский С.Н. Червленьый Яр // Воронежская старина. Воронеж, 1905. Вып. 5. С. 371–372; Веневитинов М.А. По поводу пятисотлетия первого русского путешествия по Дону // Древности: тр. Моск. археол. о-ва. М., 1890. Т. 14. С. 323–325.

³⁶ Иловайский Д.И. История Рязанского княжества. М., 1884. С. 141–144.

³⁷ Гордова Ю.Ю. Топонимия Рязанской засечной черты // Рязанский этнографический вестник. 2006. № 37. С. 43.

³⁸ Полное собрание русских летописей. Т. 9. С. 177.

³⁹ Рязанская энциклопедия. Т. 1.

⁴⁰ Шенников А.А. Червленьый Яр.

о Червленом Яре⁴¹. А.Г. Кузьмин отнес это сообщение к ряду многочисленных вставок, попавших в Никоновскую летопись из какого-то не дошедшего до нас источника рязанского происхождения, не исключено, что из местной летописи⁴². Обращение к рязанским источникам, вставки прорязанского характера, столь характерные для Никоновской летописи, целью своей имели отнести к исконной территории Рязанского княжества земли, которые вряд ли ему могли принадлежать полностью, формально или фактически⁴³.

Кроме того, Червленый Яр, находясь на окраине центральной части Золотоордынского государства, являлся удобной базой для христианской миссионерской деятельности. В XIV веке население Червленого Яра было настолько многочисленно и зажиточно, что за право собирать церковную десятину и ставить там дьяконов активно боролись Рязанская и Сарайская епископии. В начале XIV века реки Хопер и Великая Ворона отделяли Рязанскую епархию от Сарайской. Последняя была учреждена во второй половине XIII века в Сарае для русских и татарских христиан на всем пространстве южной России между Волгой и Днепром. Она была достаточно плотно заселена православными татарами и находилась в церковно-каноническом подчинении рязанских архиереев, хотя политически входила в состав Золотой Орды. Правило «границы епархии соответствуют границам княжества» точно не соблюдалось, поскольку княжеств было несравнимо больше, чем епархий, к тому же их число постоянно увеличивалось, а границы менялись быстрее, чем в случае с епархиями.

К началу XV века, несмотря на малочисленность русского населения и продолжающееся уменьшение древнерусского населения Среднего и Верхнего Подонья, земли Червленого Яра и караулы возле Хопра до Дона почти полностью находились в зависимости от Рязанского великого княжества и входили в Рязанскую епархию. Не менее четырех раз московские митрополиты (Максим, Петр, Феогност, Алексей) вмешивались в спор двух епархий, неизменно решая его в пользу Рязанской епископии. Сохранились грамоты Феогноста и Алексея на Червленый Яр⁴⁴. Следовательно, если даже Червленый Яр не был напрямую подчинен Рязани, рязанские князья имели к нему явный интерес, а маршрут от Переяславля до Азова традиционно пролегал через эти земли.

В «Хождении» упоминаются и реки Меча и Сосна: «Въ второй день речнаго плавания минухом две реце, Мечу и Сосну» [С. 100]. Река Меча (по «Книге Большому чертежу» XVII века – Быстрая Меча, в настоящее время – Красивая Меча) – правый и самый крупный приток Дона Среднерусской возвышенности, протекала и по территории Рязанского княжества. В переводе с угро-финского языка «Меча» – «река с высокими берегами», «высокобереговая». Действительно, берега реки очень высокие, особенно в нижнем течении. По поводу возникновения этого топонима

⁴¹ Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. С. 197, 213–215.

⁴² Кузьмин А.Г. Рязанское летописание. С. 101–103.

⁴³ Там же. С. 91–93.

⁴⁴ Воздвиженский Т. Историческое обозрение Рязанской иерархии. М., 1820. С. 23–30; Акты исторические. СПб., 1841; Иероним. Рязанские достопамятности. Рязань, 1889.

существует несколько версий ⁴⁵. Так, «Меча» (без определения) упоминается в заповещании Ярослава Мудрого в 1054 году и далее в поздних летописях. Из летописей, «Задонщины» и «Сказания о Мамаевом побоище» известно, что Мамай перед Куликовской битвой стоял между Чуровом и Михайловом, «на реки на Мечи», протекавшей южнее Куликова поля, и ждал союзника Ягайло. После победы на Куликовом поле «...побегоша погани, а хрестьяне погониша вслед их, биюще, и гониша биюще, Мечи реки».

Проходил маршрут и через Сосну (имеется в виду Быстрая Сосна, на которой стоит город Елец, и Тихая Сосна). Река является правым притоком Дона (в настоящее время протекает по территории Орловской и Липецкой областей). В состав гидронима еще в древности вошло имя прилагательное «быстрая» как антоним по отношению к Тихой Сосне, расположенной ниже по Дону (ныне в Воронежской области). Например, о Быстрой Сосне идет речь в «Сказании о Мамаевом побоище», во фрагменте, рассказывающем о разведке перед Куликовской битвой на реку Сосну, высланной князьями Дмитрием Ивановичем и Владимиром Андреевичем с заданием привести языка. В «Книге Большому чертежу» также упомянута именно Быстрая Сосна. Одна из интерпретаций гидронима: изобилие сосновых лесов могло быть и причиной быстрого строительства.

Через Тихую Сосну, правый приток Дона, берущую начало на юго-восточных склонах Среднерусской возвышенности, скорее всего получившую определение от характера течения, проходили дороги, по которым татары продвигались на Русь. Относительно названия сложились предположения: первая часть гидронима – от характера течения река, вторая – от обилия сосен, растущих по берегам реки. Название могло сформироваться по аналогии с Цной, Десной. Есть мнение, что по Тихой и Быстрой Сосне в бассейн Дона сплавляли лес, и скорость их сплава была разной (быстрой и медленной). Сейчас эти леса истреблены, но об их обилии свидетельствуют путевые записки Игнатия Смольянина. Кроме того, по берегам Тихой Сосны путешественники увидели «столпы камни белы, дивно же и красно стоят рядом, яко стози малы, белы же и светли зело, над рекою над Сосною» [С. 110].

Казалось бы, данная местность вряд ли могла поразить путешествующего своим горным массивом или даже некими «столпами». Однако и в этом случае автор «Хожения» был точен в своих наблюдениях и поэтического вымысла не допустил. Эти столбы – меловые столбцы-останцы, вертикально поднимающиеся над откосами правобережья Тихой Сосны и Дона, – известны как Дивногорье. Издавна, имея белый цвет и причудливые очертания, назывались они «столпами», «дивами», отчего данная местность и получила название «Дивногорье». На этом небольшом ландшафтном участке, расположенном у слияния Тихой Сосны и Дона, они сохранились до настоящего времени. Весь правый берег Дона представляет собой цепь меловых обнажений с осыпями и отвесными склонами, возвышающимися над поймой реки. Такой ландшафт придает местности удивительный вид.

⁴⁵ Топонимический словарь Рязанской области / под ред. А.А. Никольского. Рязань, 2004. С. 151.

Несмотря на известную опасность, верховья Дона были привлекательны для заходивших в эти места жителей русских княжеств, в первую очередь Рязанского. Особенно ценили рязанцы земли, прилегавшие к левым притокам Дона – рекам Битюг, Хопер («Хопор», «Похор»⁴⁶) и Медведица, так как считали их своими охотничьими и рыболовными угодьями. Например, происхождение гидронима «Медведица» имеет два объяснения: во-первых, от слова «медведь» по причине изобилия медведей в непроходимых, глухих лесах по берегам реки, во-вторых, – от «медведа» (из «меда», «медва») в силу развития бортничества в этих землях. Первые поселения по берегам реки Медведица возникли в XIII веке, а к концу XV века здесь образовались казачьи городки. Число русских поселений росло, несмотря на то, что вплоть до XVIII века места в долине этой реки считались труднодоступными, необжитыми и глухими. На русской карте река Медведица появилась в 1627 году, хотя впервые упоминается в «Хождении Игнатия Смольнянина».

И в «Хождении», и в расписании русских сторожевых разъездов часто встречается упоминание о Кривом Боре, название которого происходит от бора, расположенного у крутого изгиба Дона с большой кривизной, с высоким левым берегом, густым лесом. В «Хождении» говорится о существовании Чур-Михайлова, история которого остается загадкой, по поводу которой по сей день идут дискуссии: «и во 2 день приидохом до Чюр Михайловых, тако нарицаемо место, некогда бо и град бяше был» [С. 99]. Однако в летописях, да и в других литературных памятниках наименование этого города отсутствует. Его ориентиры таковы, что он должен быть расположен на реке, впадающей в Дон, или находиться в непосредственной близости от нее.

Одни исследователи (Д.И. Иловайский) считали, что основателем города был пронский князь Кир-Михаил Всеволодович (1206–1217; летописный Кюр Михайло), в честь которого и был назван город, так как Пронск служил митрополией придонских колоний. Другие приурочивали город к Старому Данкову или к селам Старое и Новое Киркино. К.В. Кудряшов отождествил Чур-Михайлов с современным селом Кочуровское⁴⁷. Имеется предположение относительно местоположения Чурова и Михайлова как неких, в настоящее время неизвестных урочищ, находящихся недалеко от реки Красивая Меча и упомянутых в связи с этим в «Задонщине»⁴⁸: «У Дону стоят татаровя поганые, и Момай царь на реки на Мечи, между Чюровым и Михайловым, бр□сти хотят...»⁴⁹. Исходя из Пименова хождения Чур-Михайлов – старый Данков. Путь от Чур-Михайлова до устья Воронежа расстоянием 240 километров посольство преодолело за 6 дней, по 40

⁴⁶ Это варианты исконного названия, появившиеся в результате перестановки звуков, произошедшей, скорее всего, непосредственно при письменной фиксации гидронима в разных списках «Хождения». (См.: Отин Е.С. Русская ономастика и ономастика России. М., 1994. С. 144–146.)

⁴⁷ Кудряшов К.В. Половецкая степь. М., 1948. С. 20.

⁴⁸ Монгайт А.Л. Рязанская земля. С. 232.

⁴⁹ Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 8 ; Дмитриев Л.А. Историко-литературный комментарий / Л.А. Дмитриев, О.П. Лихачева // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 383.

километров в день. Тогда Чур-Михайлов с точностью попадает на место Данкова, который стоит в месте, где река Вязовня. Однако ни одно из вышеперечисленных предположений не отличается абсолютной аргументацией.

Итак, несмотря на то, что отдельные исторические и географические реалии Древней Руси, описанные в «Хождении Игнатия Смольнянина в Царьград», являются спорными или малоизученными, данный текст как литературный источник сохранил важные детали, которые помогают в решении того или иного вопроса, точно передают пространство и время его преодоления, воссоздают картину юго-восточных земель Руси в конце XIV века, в том числе состояние Рязанского княжества после монголо-татарского нашествия: положение придонских степей, лесов, степень заселения земель рязанцами, отношения с монголо-татарами, с Елецким княжеством, с Сарайской епархией, воссоздают образ Олега Ивановича. Стоит констатировать, что автор-повествователь обладает развитым художественно-эстетическим чувством, вниманием к деталям и подробностям описываемого, что должно помогать читателю предельно точно представлять облик посещаемых мест, причем вне зависимости от их религиозного назначения. Эти же особенности характеризуют специфику эволюции жанра хождения, образцы которого постепенно превращаются из текстов паломнической литературы в произведения путевой словесности, открывая читателю многоликий и многоголосый, пестрый мир, населенный народами с разными обычаями и традициями.

«Хождение Смольнянина» далеко не случайно было признано особым и этапным сочинением в развитии древнерусской путевой литературы. Связано это с тем, что с конца XIV века в путевых записках начинает преобладать светский элемент. Это проявляется в рассказах о многотрудном пути в «землю незнаемую», в географических и исторических сведениях о разных местностях, в том числе находящихся в пределах русских княжеств. Проникновение в текст подобных описаний («быта» путешествия) приводит к особому вниманию паломника к современной жизни, событиям и политическим, и бытовым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

1. Антонова, В.И. Неизвестный художник Московской Руси Игнатий Грек по письменным источникам [Текст] // Труды отдела древнерусской литературы. – Л. : Наука, 1958. – Т. 4. – С. 569–572.
2. Арсеньев, С.В. Предпринятое исследование по поводу хождения чернеца Игнатия Смолянина в Царьград и Иерусалим [Текст] // Сборник Императорской АН. – СПб., 1880. – № 3. – С. 42–44.
3. Белоброва, О.А. Игнатий (Смольнянин) [Текст] // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Вып 2 : Вторая половина XIV – XVI в. – Л. : Наука, 1988. – Ч. 1. – С. 395–397.
4. Введенский, С.Н. Червлёный Яр [Текст] // Воронежская старина. – Воронеж, 1905. – Вып. 5. – С. 371–372.

5. Веневитинов, М.А. По поводу пятисотлетия первого русского путешествия по Дону [Текст] // Древности : тр. Моск. археол. о-ва. – М., 1890. – Т. 14. – С. 323–325.
6. Воздвиженский, Т. Историческое обозрение Рязанской иерархии [Текст]. – М., 1820. – 338 с.
7. Гордова, Ю.Ю. Топонимия Рязской засечной черты [Текст] // Рязанский этнографический вестник. – 2006. – № 37. – 158 с.
8. Данилов, В.В. О жанровых особенностях древнерусских «хождений» [Текст] // Труды отдела древнерусской литературы. – Л. : Наука, 1962. – Т. 18. – С. 21–37.
9. Зотов, Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику [Текст]. – СПб., 1892 (Тип. братьев Пантелеевых). – 386 с.
10. «И были полки Ольговы...»: Свод летописных известий о Рязанском крае и сопредельных землях до 50-х годов XVI в. [Текст] / сост. А.И. Цепков. – М. : Прогресс-Культура, 1994. – 512 с.
11. Иловайский, Д.И. История Рязанского княжества [Текст]. – М., 1884.
12. Книга хожений. Записки русских путешественников XI–XV вв. [Текст] / сост. Н.И. Прокофьев. – М. : Советская Россия, 1984. – 445 с.
13. Кудряшов, К.В. Половецкая степь : очерки исторической географии [Текст] // Записки Всесоюзного географического общества. Новая серия. – М. : ОГИЗ, 1948. – Т. 2. – 170 с.
14. Кузьмин, А.Г. Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI в. [Текст]. – М. : Наука, 1965 – 284 с.
15. Малето, Е.И. Антология хожений русских путешественников XII–XV вв. Исследования. Тексты. Комментарии [Текст]. – М. : Наука, 2005. – 438 с.
16. Мальгин, Т. Зерцало Российского государства [Текст]. – СПб., 1791 (Тип. Имп. АН). – 119 с.
17. Монгайт, А.Л. Рязанская земля [Текст]. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – 400 с.
18. Насонов, А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII в. : очерки и исследования [Текст]. – М. : Наука, 1969. – 556 с.
19. Насонов, А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства [Текст]. – М. : Изд-во АН СССР, 1951. – 282 с.
20. Никонов, А.В. Краткий топонимический словарь [Текст]. – М. : Мысль, 1966. – 509 с.
21. Отин, Е.С. Русская ономастика и ономастика России [Текст]. – М. : Русская энциклопедия, 1994. – 288 с.
22. Попов, А.Н. Обзор хронографов русской редакции [Текст]. – М., 1869 (Тип. Лазаревского ин-та). – Вып. 2. – 236 с.
23. Прокофьев, Н.И. Игнатий Смольнянин – древнерусский мастер литературного слова [Текст] // Русская речь. – 1973. – № 1. – С. 128–133.
24. Прокофьев, Н.И. Русские хождения XII–XV вв. [Текст] // Литература Древней Руси и XVIII в. – М. : Изд-во МГПИ, 1970. – С. 144–170.
25. Прокофьев, Н.И. Хождение Игнатия Смольнянина [Текст] // Литература Древней Руси : сб. науч. тр. – М. : Изд-во МГПИ, 1975. – С. 123–149.
26. Ридингер, Н. Материалы для истории и статистики г. Ельца [Текст]. – Орел, 1865 (Губ. тип.). – 34 с.
27. Рязанская энциклопедия [Текст] / гл. ред. В.Н. Федоткин. – Рязань : Пресса, 2000. – Т. 1. – 672 с.
28. Сказания и повести о Куликовской битве [Текст] / изд. подгот. Л.А. Дмитриев, О.П. Лихачева. – Л. : Наука, 1982. – 422 с.
29. Смолицкая, Г.А. Топонимический словарь Центрального Черноземья [Текст] – М. : Армада-Пресс, 2002. – 416 с.

30. Татищев, В.Н. История российская : в 7 т. [Текст]. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1965.
31. Тихомиров, М.Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией [Текст]. – М. : Наука, 1969.
32. Топонимический словарь Рязанской области [Текст] / под ред. А.А. Никольского ; Ряз. гос. пед. ун-т. – Рязань, 2004. – 296 с.
33. Тропинин, Н.А. Елецкая земля в XII–XVI веках [Текст] // История и культура Ельца и Елецкого уезда. – Елец : Изд-во ЕГПИ, 1992.
34. Ужанков, А.Н. Эволюция пейзажа в русской литературе XI – первой трети XVIII в. [Текст] // Древнерусская литература. Изображение природы и человека. – М. : Наследие, 1995. – 355 с.
35. Шенников, А.А. Червлёный Яр [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.zimovaya.ru/novosti/na-nashem-sayte-razmeschena-kniga-voronezhskogo-arheologa-a-shennikova-chervlyonyu-yar.html>.

A.A. Reshetova, O.S. Topolova

**RYAZAN REALIA IN ‘THE JOURNEY OF IGNATIUS
OF SMOLENSK TO CONSTANTINOPLE’**

The paper analyzes ‘The Journey of Ignatius of Smolensk to Constantinople’, a work of ancient Russian literature, searching for historical and geographical realia connected with Ryazan. The paper proves that secular narratives spring from the traditions of Russian literary journeys.

literature of ancient Russia, Russian literary journey, Ignatius of Smolensk.